

бенностям формы данного произведения привело к порочному кругу, в котором замкнулись исследователи в поисках аргументов для объяснения мнимых противоречий, обнаруженных ими в книге.

2

Радищев жил в эпоху, когда активность передового революционного класса «пролетариев феодализма» угрожала существованию крепостнических отношений в России. Запад жил тревожной жизнью — назревал 1789 год. На далеком материке шла одна из первых «действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистической войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку. . .» (Ленин, т. XXIII, изд. 3-е. Письмо к американским рабочим).

Для многих современников было совершенно очевидным, на чьей стороне историческая правда, историческое будущее и прогресс, и кто обречен историей, лишен будущего. Симпатии Радищева к американской освободительной войне чрезвычайно характерны для его политических взглядов. Он видел силу и волю к свободе самого народа, он видел, как широкие народные массы Америки с оружием в руках отстаивали свою свободу от угнетателей-англичан и добились блестящей победы, — это не могло не воодушевлять Радищева.

В американской революции Радищева увлекали факт участия всего народа в борьбе за национальную независимость и успешный исход этой народной борьбы. Того, что произошло в Соединенных Штатах после победы, он не мог еще предвидеть.

Кроме того, необходимо помнить, что, говоря о политическом устройстве в Америке, Радищев имеет в виду прежде всего штат Пенсильванию, отличный от всех остальных, входивших в Соединенные Штаты Америки. Пенсильвания была населена свободными фермерами, не знавшими помещичьего гнета и рабства; в ней в это время господствовали буржуазно-демократические отношения, окрашенные в известной мере патриархальностью трудового фермерства.

Радищев был свидетелем мужественного движения за свободу огромных масс трудящихся: крестьянства, фабричных рабочих и угнетенных народностей царской России, — движения против крепостничества, против помещиков, против произвола и насилия, но за «хорошего», «мужицкого», царя. Для Радищева были очевидны утопичность и несостоятельность надежд на самодержавие, каким бы оно просвещенным или же «мужицким» ни было. Еще задолго до написания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищеву было